

оригинальная статья

eLibrary EDN: YVDLLI

Субъектность коммуникации: структура и функциональная специфика современной репрезентации

Баркович Александр Аркадьевич

Белорусский государственный университет, Беларусь, Минск

eLibrary Author SPIN: 5171-1479

<https://orcid.org/0000-0001-8469-8431>

Scopus Author ID: 57208124708

barkovichaa@gmail.com

Аннотация: Цель статьи – охарактеризовать лингвистическую специфику субъектности коммуникации. В условиях цифровой трансформации общества привычный понятийный феномен *языковая личность* также претерпевает существенные изменения, приобретая новые формы репрезентации – от предельно индивидуализированной до сверхличностной субъектности. Динамикой данного процесса и его тесной взаимосвязью с важнейшими процессами социокультурной активности человека предопределена актуальность научно-обоснованной интерпретации его структуры и функциональности. Лингвокогнитивное рассмотрение обозначенной проблематики и моделирование ее важнейших репрезентантов релевантно в контексте перспектив развития информационных технологий и обладает научной новизной в аспектах русскоязычной коммуникации и междисциплинарной парадигматики. Русскоязычный контент доминирующей в современных условиях компьютерно-опосредованной коммуникации является одним из наиболее массовых в глобальном масштабе массивов речевой практики. Для уточнения методологического фундамента исследования была проанализирована эволюция субъектности коммуникации в рамках междисциплинарного синтеза лингвистики, психологии, философии и когнитивистики. Задействован комплекс методов концептуального анализа, когнитивного моделирования и дискурсивной реконструкции. Систематизированы данные о развитии, функционировании и трансформации языковой личности в коммуникационном континууме современного социума и верифицирована научная репрезентация субъектности посредством метаязыкового инструментария. Установлено, что современный субъект коммуникации – это динамичный и многомерный феномен, идентичность которого конституируется через языковую практику. Охарактеризованы когнитивно значимые проявления субъектности в среде компьютерно-опосредованной коммуникации. Выявлена адаптивность субъектно-ориентированной семантики в речевой практике. Проведенный анализ основывался на формате лингвокогнитивного моделирования. Научно-аргументированная имплементация субъектных репрезентаций современной коммуникации позволила охарактеризовать такие шаблоны ее реализации, как коммуникационная, онлайн-, информационная, гиперперсональная личность и др. Представлена предиктивная аргументация принципиального разнообразия форм актуализации субъектности коммуникации как категории. Идентифицированы разнонаправленные тенденции развития коммуникационной субъектности: идиолектизация и узуализация. Отмечена перспективность системного мониторинга личностных особенностей субъектов коммуникации, что будет способствовать приближению лингвистической теории к реалиям речевого функционирования.

Ключевые слова: субъектность коммуникации, репрезентация, идентичность, компьютерно-опосредованная коммуникация, лингвокогнитивное моделирование, языковая личность, искусственный интеллект

Цитирование: Баркович А. А. Субъектность коммуникации: структура и функциональная специфика современной репрезентации. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2026. Т. 5. № 3. С. 267–275. <https://doi.org/10.21603/vcsn-2026-5-3-267-275>

Поступила в редакцию 24.11.2025. Принята после рецензирования 23.06.2026. Принята в печать 29.06.2026.

original article

Communicative Agency: Structure and Function of Modern Representation

Alexander A. Barkovich

Belarusian State University, Belarus, Minsk

eLibrary Author SPIN: 5171-1479

<https://orcid.org/0000-0001-8469-8431>

Scopus Author ID: 57208124708

barkovichaa@gmail.com

Abstract: Modern communicative agency demonstrates highly specific linguistic features as global digital transformation changes the very concept of linguistic personality. Communicative agency acquires a wide range of new forms of representation, from highly individualized to suprapersonal ones. This process is intertwined with other important aspects of socio-cultural activity. As a result, modern communicative agency requires a new scientific interpretation of its structure and functions. This article introduces a cognitive linguistic approach to this phenomenon within the interdisciplinary paradigm of IT development and communication studies. The Russian-language content of computer-mediated communication constitutes a major array of speech practice on a global scale. Its communicative agency was analyzed through an interdisciplinary synthesis of linguistics, psychology, philosophy, and cognitive science. The synergy of conceptual analysis, cognitive modeling, and discursive reconstruction allowed the authors to systematize the prospects, functions, and changes of the modern linguistic personality in the communication continuum, as well as to verify the scientific representation of communicative agency using metalinguistic tools. The agent of modern computer-mediated communication proved to be a dynamic and multidimensional phenomenon whose identity is constituted through language practice. The cognitive linguistic approach revealed the cognitively significant manifestations of communicative agency and the adaptability of subject-oriented semantics in a computer-mediated communication environment. The list of representations included such patterns as communicative, online, informational, and hyperpersonal agency. Ultimately, communicative agency, with its wide range of representations, is a category with divergent trends toward both the idiolect and the *usus*. A systemic profiling of its agents may bring linguistic theory closer to speech reality.

Keywords: communicative agency, representation, identity, computer-mediated communication, cognitive linguistic modeling, linguistic personality, artificial intelligence

Citation: Barkovich A. A. Communicative Agency: Structure and Function of Modern Representation. *Virtual Communication and Social Networks*, 2026, 5(3): 267–275. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/vcsn-2026-5-3-267-275>

Received 26 Nov 2025. Accepted after review 23 Jun 2026. Accepted for publication 29 Jun 2026.

Введение

Термин *языковая личность*, возникший на пересечении философии, психологии и языкознания, стал ключевым научным ориентиром в рамках постструктуралистской рефлексии субъектности коммуникации. Если классическая лингвистика стремилась абстрагироваться от личности говорящего, фокусируясь на структурных закономерностях языковой системы, то современная парадигма языкознания существенно трансформировала этот подход: язык больше не рассматривается как автономная система, а понимается как среда многоаспектной деятельности человека, где каждый эпизод использования языка – этап формирования

коммуникационного опыта, ментальных моделей и мировосприятия в целом. Основы этого подхода были заложены в работах [Вайсгербер 2004; Виноградов 1980; Караулов 2010]. Данные исследования показали, что язык – не только инструмент коммуникации, но и механизм конституирования сознания. Это положение стало отправной точкой для развития целого ряда практико-ориентированных междисциплинарных направлений – социолингвистики, психолингвистики, нейролингвистики, философии языка и др. На этой общей основе они тесно коррелируют с когнитивной лингвистикой.

Под субъектом коммуникации в лингвистической парадигме понимается некая универсальная модель презентации человеческой личности посредством языка. С учетом уникальности ментальной организации каждого человека как личности тотальная интерпретация коммуникационной субъектности пока представляется выполнимой лишь гипотетически. Более того, в контексте компьютеризации коммуникации семантика субъектности значительно расширяется (см., например, [Brown 2019; Hall 2004; McNamara 2019]). Сегодня в коммуникационной субъектности отчетливо идентифицируется не только значимость владения языком, но и *сема способности человека с помощью языка формировать, выражать и изменять свою личностную идентичность* [Баркович 2015].

Необходимо отметить, что развитие компьютерно-опосредованной коммуникации существенно изменило саму природу человеческого взаимодействия, сместив фокус репрезентации содержания высказывания с неких интуитивных стереотипов на формализованные конструкты, учитывающие механизмы порождения, интерпретации и модификации субъектности в цифровом пространстве. Современная коммуникация становится все более дискретно-обусловленной: «Субъектность может пониматься по-разному в зависимости от академического бэкграунда, но такие термины, как "самореферентный" и "поведение", способные обозначать что угодно, требуют детализации»¹ [Lundberg et al. 2023: 4526]. Этим обусловлена целесообразность предметного рассмотрения в данном исследовании структуры и функциональной специфики современной репрезентации субъектности коммуникации. Цель статьи – охарактеризовать лингвистическую специфику субъектности коммуникации.

Методы и материалы

Научная рефлексия динамики коммуникационной субъектности предполагает методологический консенсус нескольких областей гуманитарного знания. В связи с этим в статье произведен системный учет положений нейролингвистики, психолингвистики, философии языка и других смежных с когнитивистикой областей знаний. Подобный междисциплинарный подход обоснован многоаспектностью самой коммуникационной проблематики, которая не может быть полностью охвачена средствами одного научного направления.

Такого рода усложненность существовала всегда, однако глубокое погружение человеческой ментальности в реалии компьютерно-опосредованной коммуникации существенно актуализировало широкий круг ее субъектно-ориентированной проблематики и, соответственно, обусловило методологическую фокусировку посвященных ей исследований на происходящих в современной коммуникации тектонических сдвигах. Соответствующие изменения лишь на первый взгляд прямо не соотносятся с необходимостью их лингвистической интерпретации. На самом же деле они полностью от нее зависимы – точно так же, как сама коммуникационная субъектность во многом является продуктом инструмента коммуникации – языка. Таким образом, исследование коммуникационной субъектности в приоритетном порядке предполагает задействование лингвистической парадигматики, акцентированной на когнитивной специфике метаописания речевой практики.

Еще одним важным методологическим маркером изучения очерченной проблематики является его ориентация на методику моделирования, позволяющую эксплицировать наиболее существенную специфику анализируемого объекта в рамках компактного метаописания. Лингвокогнитивное моделирование коммуникационной деятельности в субъектном аспекте позволило систематизировать и организовать знания о функциональных особенностях субъектности коммуникации в ее различных проявлениях в условиях современного формата межличностного взаимодействия. Интерпретация субъектных репрезентаций, рассматриваемая через процедуру анализа речевой практики, обеспечила сопоставление и верификацию модельных структур, выработанных через прямое развитие доступных посредством интернет-поиска эмпирических языковых данных. Непосредственную аналитическую базу исследования составили три взаимодополняющих метода: компонентный анализ ментальных репрезентаций, когнитивное моделирование коммуникационной субъектности и дискурсивная реконструкция интернет-контента.

В качестве эмпирического материала привлекалась языковая практика различной жанровой и стилистической принадлежности: научно-исследовательские, научно-популярные, художественные и публицистические тексты. Для изучения специфики современной коммуникации рассмотрен

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

контент интернет-дискурса, ориентированный на разговорную практику: посты и комментарии в социальных сетях, блоги, онлайн-форумы и иные формы медиасообщений.

Результаты

Компьютеризация как когнитивный челлендж коммуникационной среды

На протяжении последних десятилетий компьютеризация коммуникации привела к радикальной трансформации языковой практики. Эта трансформация не ограничилась адаптацией к техническим новшествам, а потребовала тотальной перестройки когнитивной деятельности, повлекла глубинные изменения в ментальных механизмах репрезентации внеязыковой реальности. В частности, новый формат коммуникации вывел участников диалога за пределы традиционных рамок времени и пространства, создав новую экзистенциальную среду – *виртуальный хронотоп*, в котором языковая личность реализуется иначе, чем в реальности. В том числе «компьютерные технологии, начиная с середины XX в., все глубже проникают в социокультурное пространство, вытесняя культурное содержание *языковой личности* в пользу информационного» [Баркович 2020: 65]. Если раньше субъектность коммуникации понималась как носитель культурной памяти, ценностей и смыслов, то теперь ее идентичность все чаще ассоциируется с виртуализацией общения, метаданными и алгоритмически формируемыми моделями речи и ее атрибутов.

Коммуникационная личность: феноменологическая проекция субъектности

В феноменологической проекции коммуникационная личность является наиболее обобщенной репрезентацией семантики субъектности в языковой практике. Она может рассматриваться как универсальная субъектность коммуникации, позволяя моделировать ее сущность с учетом меняющихся обстоятельств функционирования среды. Это важно, т. к. именно в диалоге, в контексте, в реальных обстоятельствах коммуникации наполняется содержанием ее абстрактная матрица – языковая личность. Коммуникационная личность сегодня – не просто носитель некоего умозрительного языкового содержания, а идентичность, уникальность которой определяется рамками реального взаимодействия.

Через призму современных технологических реалий стали хорошо заметны структурные особенности субъектности коммуникации, ранее завуалированные в практически некодифицированной образности. Новые категории репрезентации субъектности не возникли ниоткуда, но в современных условиях они успешно актуализировались: «участие коммуникационных личностей как неких абстрактных реализаций реальных людей в нестабильных сообществах социальных сетей все меньше обусловлено традиционными социальными связями людей» [Баркович 2017: 193]. Это свидетельствует о наметившемся в метаописаниях переходе от стереотипных, основанных на родстве, профессии или территориальности форм идентичности к представительским, ситуативным и ролевым реализациям субъектности.

Так, с учетом реалий современной коммуникации появились основания для углубленной репрезентации представлявшейся ранее феноменологически единообразной коммуникационной личности и выделения в ее модели нескольких субъектно-ролевых страт, таких как:

- *персоналии* – устойчивые модели субъектности, опирающиеся на реально существующих людей (например, блогеры или эксперты);
- *персонажи* – модели субъектности, реализующие определенный сюжет или выполняющие роль «маски» (например, аватары в игровых чатах или модераторы форумов);
- *фигуранты* – эпизодические, окказиональные, несистемные, контекстуально ограниченные модели субъектности (например, авторы комментариев или пользователи программы).

Не в последнюю очередь научная визуализация дифференцированных субкатегорий коммуникационной субъектности обеспечена упрощением ее трансформационной логики и функциональной простотой процедур ее репрезентаций. Наиболее иллюстративными в этом плане являются зачастую многочисленные и хаотично изменяемые репрезентации коммуникационной личности. Примером подобной трансформационной пластичности субъектности коммуникации является такой «легендарный» и меметизированный персонаж Рунета как *Крымчанка, дочь офицера* (фигурант), вещающий под ником *Дмитрий Какеготам* (персонаж) и продуцируемый неким *Мишей Филиповым*, заходившим в Интернет в г. Сан-Франциско (персона)². Своеобразная флюидность субъектной

² Крымчанка, дочь офицера. *Викиреальность*. URL: https://wikireality.ru/wiki/Крымчанка,_дочь_офицера (дата обращения: 01.10.2025).

идентичности в онлайн-формате становится скорее нормой, чем исключением [Turkle 2011]. Структура данной метаязыковой идентичности коммуникационной личности онтологична, что подтверждает ее метаязыковую сформированность и функциональность. Таким образом, сущностная специфика коммуникационной субъектности по-прежнему прямо обусловлена форматом языкового взаимодействия людей, однако ее проявления в современных условиях стали более многообразными.

Модели, отражающие тенденцию к идиолектизации субъектности

Качественное преобразование коммуникационной среды обусловило появление новых форм субъектности, которые можно рассматривать как индивидуализированные «реинкарнации» классической языковой личности: например, онлайн-, виртуальная, информационная, цифровая личность и др. Характерной чертой их идентичности является акцентированность на «личностной» составляющей. В свою очередь, их субъектность основательно базируется на индивидуализации репрезентации и, соответственно, «материализуется» посредством идиолектичности их коммуникационного репертуара. В данной связи может быть уверенно идентифицирована тенденция к идиолектизации субъектности коммуникации.

Тем не менее все эти формы не являются взаимоисключающими – они гармонично сосуществуют, пересекаются и динамически взаимодействуют в зависимости от контекста коммуникации. В частности, индивидуальной проекцией является *виртуальная личность*, малозависимая от субъектности индивида в реальном мире, что позволяет опыту виртуального мира приобретать значимость в свете проективного существования индивида [Vella, Gualeni 2019]. Виртуальная личность – ментальная проекция субъектности, обусловленная искусственно созданной посредством компьютерной системы среды коммуникационного взаимодействия. Автономность таких субъектных репрезентаций позволяет эксплицировать виртуальные проявления как вполне объективные метаданные о вариативной специфике реальной коммуникации [Al-Hoorie et al. 2023]. Примером подобной функциональности лингвокогнитивного моделирования коммуникационной субъектности является исследование [Kosinski et al. 2013], посвященное идентификации субъектности по цифровому следу, оставленному в социальной сети: на материале

изучения лайков 58000 пользователей были успешно декодированы такие личностные атрибуты, как пол, возраст, интеллект, этническая принадлежность, сексуальная ориентация, черты личности, а также религиозные и политические взгляды.

Необходимо отметить, что вышеупомянутые модели репрезентации личности не исчерпывают всего разнообразия субъектности коммуникации. Они функционируют как элементы уже достаточно насыщенной системы. Например, в качестве тесно коррелирующей с виртуальной личностью как пространственным компонентом хронотопа коммуникационной субъектности выступает репрезентация *онлайн-личности*.

Онлайн-личность:

темпоральная проекция субъектности

Лексемы *коммуникационная личность* и *онлайн-личность* семантически близки, однако между ними есть принципиальное различие. Онлайн-личность – это реализация субъектности в режиме реально-временной коммуникации, где время и пространство становятся динамичными и многомерными. Такого рода темпоральный формат смогла обеспечить компьютерно-опосредованная коммуникация: «Интернет-общение часто происходит в онлайн-социальных сообществах, которые отделены от реальной жизни» [Valkenburg 2008: 208]. В онлайн-режиме современная коммуникация все реже бывает строго синхронной или диахронной – она нередко асинхронна, в ней реализуется все более совершенная компьютерная симуляция действительности в виде временных проекций. Сообщение, отправленное сегодня, может быть прочитано завтра, а через год оказаться не менее актуальным, что возможно благодаря реалистичной компьютерной реконструкции аутентичной коммуникационной среды. На текущий момент коммуникация, не изменяя времени и пространства, обеспечивает такой коммуникационный хронотоп, который позволяет речевой продукции быть функциональной вне линейного временного потока и привычных измерений пространства.

При этом онлайн-личности, появившиеся благодаря компьютерным сетям одномоментно и в огромном количестве, пока используют доступный им ресурс субъектности избирательно. Так, несмотря на очевидные риски злоупотреблений с намного более открытой в компьютерно-опосредованной среде субъектностью, большинство посетителей виртуальных коммуникационных

форумов недооценивают появившиеся в данном контексте риски: «Большинство из нас входит в виртуальное пространство <...> очень мало задумываясь о себе как об онлайн-личности – какое впечатление мы произведем на людей, с которыми собираемся контактировать в режиме реального времени» [Wallace 1999: 14].

Оппозиция онлайн-личности в системном аспекте активно используется как репрезентация офлайн-личности, обозначающая функциональность субъекта коммуникации вне онлайн-формата.

Информационная личность: идентичность как данные

На рубеже XX–XXI вв. коммуникация освоила новое измерение – информационное. Лексема *информация*, выполняя дискурсивную функцию универсального заместителя широкого круга понятийной семантики, «в последнее время превратилась в некое подобие дискурсивного слова, будучи массово и часто немотивированно используемой для обозначения неких смысловых лакун коммуникации, не поддающихся спонтанной идентификации и словесной актуализации» [Баркович 2019: 4]. Однако, несмотря на некоторую метафоричность, терминологическая значимость информационной личности имеет вполне идентифицируемые рамки: это не просто человек, который «потребляет» данные того или иного типа, а субъект, коммуникационно зависимый от алгоритмических паттернов их обработки и живущий в среде информационно значимых аспектов коммуникации. Его идентичность формируется и воспринимается через информационно-обеспеченные реализации коммуникационной активности – посты, лайки, просмотры, метаданные и т.д.

Хотя корни этого понятия уходят в античность (лексема *informatio* в латыни имела значение *оформленности*), но именно компьютерно-опосредованная коммуникация сделала его по-настоящему доминирующим в новых условиях. Благодаря этому потенциал семантического развития информационной личности может быть оценен как высокий.

Как практически полный аналог информационной личности функционирует модель цифровой личности, которая наиболее частотна в интернет-дискурсе. Не менее востребованной, чем информационная личность, является модель интерактивной личности. Кроме того, отмечается формирующаяся в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации системная гиперонимичность модели

интернет-личности. В 2025 г. популярность самого композита *интернет-личность* оказалась сравнительно невысока, составив всего 26400 упоминаний в поисковом запросе Google. И это, действительно, в среднем в два раза ниже, чем у фактически гипонимичных ей репрезентаций, таких как *онлайн-личность* (52600), *цифровая личность* (60000) и *виртуальная личность* (56100).

Модели, отражающие тенденцию к узуализации субъектности

Гиперперсональность как проекция сверхличности: выход субъектности за пределы индивидуального

Противонаправленной тенденции идиолектизации субъектности коммуникации является тенденция ее узуализации. Узуализация моделей «личностных» репрезентаций позволяет реализовать потенциал коллективной идентичности субъекта в коммуникации. Узус – общеупотребительный вариант языка – олицетворяет представления типичного коммуниканта о языке, что, несомненно, является основой его субъектности. Своеобразной моделью собирательного образа коллективного субъекта коммуникации является *гиперперсональная личность*. В данной связи прослеживается генезис формирования гиперперсональной идентичности как развития сверхличности.

Термин *сверхличность*, введенный П. Тейяром де Шарденом в 1940 г. как философская концепция коллективного сознания [Teilhard de Chardin 1959], в цифровую эпоху приобрел новый семантический объем. Очевидным его развитием и трансформацией является гиперперсональная личность – форма идентичности, которая преодолевает границы индивидуума, объединяя множество участников в единый коммуникационный субъект. Модель гиперперсональной личности совершенно определенным образом репрезентирует субъектность, расширяя традиционные рамки межличностного индивидуализированного общения за счет коллективного формата коммуникации.

Как отмечает Дж. Б. Уолтер, «медийная среда нередко создает условия для коммуникации, которая преодолевает обычный межличностный уровень» [Walther 1996: 3]. Это подтверждается практикой: в онлайн-группах, на тематических форумах, в чатах пользователи часто достигают уровня доверия, близости и эмпатии, недоступного в общении лицом к лицу. Для больших объемов речевой продукции, которыми коммуниканты оперируют в Интернете, характерны соответствующие форматы, такие как,

например, гипертекст, гиперадресация. В этом ряду *гипер*- как атрибуция субъектности, или персональности, также вполне естественна.

Когнитивный потенциал искусственного интеллекта

Очевидный когнитивный диссонанс вызывает стилизованная включенность в языковой картине мира в категорию *коллективной субъектности* так называемого искусственного интеллекта (ИИ). С научной точки зрения ИИ представляет собой совокупность алгоритмов, обученных на массивах языковых данных. Внешне такая совокупность воспринимается как некое наивное воплощение субъектности, способное генерировать речь, имитировать стиль и даже выражать эмоции [Dennett 2017]. Однако даже самый умный бот не знает, какое содержание он транслирует, т.к. он лишь выдает ответы о соответствии / несоответствии какому-либо запросу доступных компьютеру в его памяти или по Сети данных [Searle 1997]. Фактически ИИ не обладает сознанием, намерениями или биографией – ключевыми характеристиками «дееспособного» субъекта коммуникации. Речь ИИ – не продукт мышления, а результат вероятностного комбинирования формализованных языковых данных.

Фактором влияния в данной связи является тот факт, что в качестве образца для создания ИИ разработчики традиционно продолжают использовать ментальность человека. Однако «в эпоху совершенства методов и неясности целей» [Einstein 1942: 109] эффективность предложенного пути вызывает сомнения. Очевидным препятствием для признания целесообразности такой эвфемизации выступает необходимость учета неразрывной связи языка и мышления. Язык не просто выражает мысль – он ее формирует: «Мы могли бы быть склонны приписывать акту мышления полную независимость от языка, если бы индивидуум образовывал или был бы в состоянии образовывать свои представления, не пользуясь словами из своего окружения. Но умственный образ индивидуума и формирование его представлений в большой степени зависят от языка» [Ibid.]. И для ИИ эта зависимость не работает – он оперирует символами без глубинного ассоциирования их семантики и не способен к саморефлексии. Следовательно, говорить о личности применительно к ИИ можно лишь метафорически, в контексте некоей гипотетической антропоморфизации технологий.

Стоит отметить, что претендовать на репрезентацию некоей коммуникационной субъектности данная модель может, будучи очень широко представленной в языковой практике. При этом востребованность ИИ весьма высока: в 2025 г. число его упоминаний в поисковом запросе Google составило 37200000 раз. Однако, не отражая личностной сущности даже одного индивидуума, феноменологически ИИ не является воплощением субъектности.

Заключение

Многоаспектная методологическая и процедурная архитектура исследования позволила осуществить системное описание механизмов структурирования, функционирования и трансформирования субъектности коммуникации как комплексного когнитивно-языкового конструкта современной высокотехнологичной среды коммуникационного взаимодействия. Метаязыковые инструменты экспликации научно значимой специфики материала включали применение техник семантико-функционального и структурно-прагматического выявления и описания субъектности. Субъектность коммуникации рассмотрена как метаязыковой артефакт, посредством которого проецируется аутентичная идентичность личности в различных контекстах взаимодействия. Сравнительный анализ субъектной специфики коммуникации, выявленной на материале различных дискурсивных срезов, позволил как реконструировать генезис трансформации субъектности коммуникации, так и детализировать типологические различия форм ее актуализации в современной среде языковой практики. Полученные метаданные обеспечили, в свою очередь, комплексную синтетическую интерпретацию объекта исследования. Его феноменологическая проекция обладает структурированной категориальностью и может быть представлена рядом моделей.

Процедура лингвокогнитивного описания различных моделей субъектности коммуникации обеспечила возможность научно-обоснованной верификации результатов исследования. Так, гиперперсонализация личности, равно как и ее эвфемизация моделью ИИ, пока не подтвердила статус его самодостаточной когнитивной идентичности, хоть и оба подхода функциональны как метаязыковые модели. Применительно к языковой практике важным системообразующим потенциалом обладает фактическая проекция языковой личности –

коммуникационная личность. В современном контексте ее логичным развитием является интернет-личность. Несмотря на то что модели коммуникационной и интернет-личности когнитивно прозрачны, в метаописаниях современной языковой практики они зачастую носят латентный характер.

Отдельного внимания заслуживает экспозиция принципиального разнообразия форм ее перспективной актуализации. Идентифицированы разнонаправленные тенденции развития коммуникационной субъектности: идиолектизация и узуализация. Первый процесс позволяет реализовать индивидуальную идентичность субъекта в коммуникации. Второй же, напротив, кристаллизует коллективную идентичность групп субъектов вплоть до их собирательного образа. Сложно прогнозировать, какая из форм – интеактивная, онлайн-, информационная, гиперперсональная или какая-либо иная – станет доминирующей моделью репрезентации коммуникационной субъектности. Но очевидно одно: современная субъектность коммуникации – это не застывший шаблон, а динамичная репрезентация, конституируемая в условиях цифровой коммуникации через язык.

Единой модели субъектности пока нет – и, возможно, нет особой предиктивной целесообразности

в ее формировании как сверхзадачи, по крайней мере, для коммуникационной парадигмы языкознания. Пока именно многообразие вариантов личностной идентификации обеспечивает продуктивность научной рефлексии коммуникации и открывает новые горизонты для исследования ее субъектности. В свою очередь, выявление ее метаязыкового потенциала позволяет аргументированно приблизить теоретические представления о языке к реальному речевому функционированию. Язык остается единственным ключом к коммуникационной идентификации субъектности. Несомненно, пока люди говорят, пишут и читают с помощью языка, лингвистика будет иметь дело не с машинами, а с людьми, представленными личностями. А значит, лингвистическая работа по моделированию субъектности коммуникации будет продолжаться.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. 5-е изд. М.: Флинта, 2020. 288 с. [Barkovich A. A. *Internet discourse: Computer-mediated communication*. 5th ed. Moscow: Flinta, 2020, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqktmq>
- Баркович А. А. Информационная лингвистика и лингвоинформационность в аспекте методологии. *Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы исследования*: III Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 14–15 марта 2019 г.) Минск: БГУ, 2019. С. 3–8. [Barkovich A. A. Informational linguistics and lingua informationality in methodological aspect. *Linguistics, didactic linguistics, and cultural linguistics: Current issues and research prospects*: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 14–15 Mar 2019. Minsk: BSU, 2019, 3–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaxmqh>
- Баркович А. А. Информационная лингвистика: метаописания современной коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2017. 360 с. [Barkovich A. A. *Informational linguistics: Meta-descriptions of modern communication*. Moscow: Flinta; Nauka, 2017, 360. (In Russ.)]
- Баркович А. А. Феноменологическая характеристика коммуникационной личности компьютерно-опосредованного дискурса. *Вестник Брянского государственного университета*. 2015. № 2. С. 276–280. [Barkovich A. A. Phenomenology of communication personality in computer-mediated discourse. *The Bryansk State University Herald*, 2015 (2): 276–280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uynmb>
- Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: УРСС, 2004. 229 с. [Weisgerber J. L. *Native language and spirit formation*. Moscow: URSS, 2004, 229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwhamr>
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с. [Vinogradov V. V. *The language of fiction*. Moscow: Nauka, 1980, 360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwttjy>
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с. [Karaulov Yu. N. *Russian language and language personality*. Moscow: Izdatelstvo LKI, 2010, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtdqlx>

- Al-Hoorie A. H., Hiver P., Larsen-Freeman D., Lowie W. From replication to substantiation: A complexity theory perspective. *Language Teaching*, 2023, 56(2): 276–291. <https://doi.org/10.1017/S0261444821000409>
- Brown S. R. Subjectivity in the human sciences. *The Psychological Record*, 2019, 69: 565–579. <https://doi.org/10.1007/s40732-019-00354-5>
- Dennett D. C. *From bacteria to Bach and back: The evolution of minds*. New York: W. W. Norton & Company, 2017, 496.
- Einstein A. The common language of science. *Advancement of Science*, 1942, 2(5): 109–110.
- Hall D. *Subjectivity*. London: Routledge, 2004, 160. <https://doi.org/10.4324/9780203644072>
- Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2013, 110(15): 5802–5805. <https://doi.org/10.1073/pnas.1218772110>
- Lundberg A., Fraschini N., Aliani R. What is subjectivity? Scholarly perspectives on the elephant in the room. *Quality & Quantity*, 2023, 57: 4509–4529. <https://doi.org/10.1007/s11135-022-01565-9>
- McNamara T. *Language and subjectivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019, 264.
- Searle J. R. Minds, brains, and programs. *Reprinted. Mind design II: Philosophy, psychology, and artificial intelligence*, ed. Haugeland J. Cambridge: The MIT Press, 1997, chapt. 7, 183–204. <https://doi.org/10.7551/mitpress/4626.003.0007>
- Teilhard de Chardin P. *The phenomenon of man*. New York: Harper & Brothers, 1959, 320.
- Turkle S. *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books, 2011. 360.
- Valkenburg P. M., Peter J. Adolescents' identity experiments on the Internet. Consequences for social competence and self-concept unity. *Communication Research*, 2008, 35(2): 208–231. <https://elibrary.ru/jsbzbz>
- Vella D., Gualeni S. Virtual subjectivity: Existence and projectuality in virtual worlds. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 2019, 23(2): 115–136. <https://doi.org/10.5840/techne201951499>
- Wallace P. *The psychology of the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 264.
- Walther J. B. Computer-mediated communication: Impersonal, interpersonal, and hyperpersonal interaction. *Communication Research*, 1996, 23(1): 3–43. <https://doi.org/10.1177/009365096023001001>